

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Щ56

Разработка серийного оформления *В. Матвеевой*

В оформлении переплета использована
работа художника *О. Горбачика*

Щепетнов, Евгений Владимирович.

Щ56 1971. Восхождение / Евгений Щепетнов. —
Москва : Эксмо, 2020. — 352 с. — (Новый фанта-
стический боевик).

ISBN 978-5-04-110531-0

Приключения Михаила Карпова в СССР продолжают-
ся. Писательский успех позволяет герою переехать в Мо-
скву и заняться обустройством быта. После всех испы-
таний, что успел преодолеть наш герой, его ждут медные
трубы. Слава неожиданно появившегося писателя-фанта-
ста бежит впереди героя. Узнаваемость где-то помогает
Михаилу, а где-то и вредит. Путевка в дом творчества, со-
лидные гонорары, успех у женщин – всё это способно ос-
лабить внимание и заставить плыть по волнам, получая от
жизни максимум. Но герой не таков. Его задачи глобальны,
а успех — лишь инструмент, приближающий к реализации
глобальных целей. Хватит ли герою сил, чтобы не откло-
ниться от выбранного курса?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-110531-0

© Щепетнов Е.В., 2020
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2020

Пролог

Я сидел перед Аносовым и наблюдал за его лицом. Оно было страшным. Бледным, окаменевшим, будто выточенным из камня. Он смотрел фотографии, которые я ему привез. Те самые фотографии, которые я забрал у маньяка Сливко.

А еще — он посмотрел пленку. Только отдельные кадры из пленки, не все, но этого ему хватило. И я его понимаю. Я видел эти пленки — уже оцифрованные, выложенные в интернет. И они меня тоже потрясли. Но я был готов к их восприятию, я знал о Сливко, и как писатель — я хотел узнать, как выглядит абсолютное Зло. Ради знания. Ради информации.

А еще — я прошел чеченские войны и захватил чуток Афганистана. И видел трупы наших солдат. И видел съемки, сделанные «духами». И все равно меня потрясло. А для человека, живущего в 1971 году, безопасном, «застойном» году, в котором ничего и никогда не случится, — это было запредельно.

Аносов отложил фотографии, касаясь их так, будто они были вымазаны в чем-то отвратительном, ядовитом, — одними кончиками пальцев. Потом принес металлический поднос — старый, поцарапанный, вроде как медный или латунный. Когда-то

поднос, наверное, был покрыт серебром, но серебро от времени стерлось, оставив после себя покрытую зеленой патиной поверхность.

Тренер снова взял в руки фотографии и начал их рвать. Рвать и бросать на поднос. А когда на подносе образовалась приличная кучка рваной фотобумаги — чиркнул спичкой. Спичка долго не хотела загораться, потом сломалась, он достал из коробки новую, снова начал яростно чиркать. Я хотел уже забрать у него спички и зажечь огонь, но спичка все-таки вспыхнула, а через несколько секунд занялась и кучка на подносе.

Дым от сгоревшей бумаги поднимался под самый потолок, а тренер смотрел и смотрел в огонь, и я видел, как у него дрожат руки. Наконец он оторвал взгляд от затухающих останков бумаги, повернулся ко мне:

— Как ты его убил?

— Три пули в голову.

— Он не мучился перед смертью?

— Помучился. Я его допросил.

— Как? Ты ему что-нибудь сломал? Расскажи!

— Я воткнул ему в колено переплетное шило и шатал, пока он не потерял сознание.

— Хорошо! Это хорошо! Надеюсь, он как следует почувствовал боль!

Аносов встал, подошел к шкафу, достал оттуда фотографию. С нее смотрел мальчишка лет тринадцати — улыбчивый, в пионерском галстуке. Очень похожий на Аносова.

— Мой сын Вовка. Сейчас был бы уже взрослым. Я бы учил его стрелять. Он хотел стать военным, как и я...

— Что с ним случилось? — спросил я, уже практически зная ответ.

— Его убили. Кто-то перерезал ему горло, когда Вовка шел домой из школы. Забрали мелочь, часы, которые я ему накануне подарил. Их было трое. Все старше Вовки — по шестнадцать-семнадцать лет. Они жили неподалеку. Их нашли. Судили. Дали смешные сроки — пять, семь лет. Старшему — девять. Они отсидели половину срока и вышли.

Аносов замолчал, глядя в пространство, а я ждал, не нарушал тишины. И он продолжил:

— Я в командировке был, в другой стране. Я не мог даже уехать, похоронить своего сына. Так случилось. Так было надо. Я военный. Но я их дождался. Старшего, того, что перерезал горло моему сыну.. он долго умирал. И плохо. Я не хочу даже тебе рассказывать, как он умер. Иначе ты меня самого сочтешь маньяком. Двое других умерли просто. Я свернул им головы. Для их родителей, для всех в этом мире — они просто исчезли. Никто так и не узнал, куда они делись. Завели дело, ко мне приходили — менты ведь не дураки. Но ничего не смогли доказать. Пугали, угрожали, а я только пожимал плечами.

Аносов потер лоб запястьем правой руки, сильно зажмурил глаза.

— С женой мы расстались. Она мне не простила, что, когда наш сын умирал, меня не было рядом. Больше я не женился. Где сейчас бывшая жена — не знаю. Она меня возненавидела и оборвала все связи. Да я и сам себя возненавидел, так что ее не виню. Больше у меня детей не было. Женщины были — я же все-таки мужик. Но детей не было, наверное.

— Наверное? — переспросил я.

— Была одна женщина... уехала. Потом мне рассказали, что она беременна, и, скорее всего, от меня. Уехала на Север. Вроде как в Норильск, но точно не знаю. Мы с ней поссорились — она хотела замуж, детей, а я не хотел.

— Почему? Почему не хотел?

— Трус потому что. Я — трус! Потерять еще одного сына?! Я этого не переживу. После смерти Вовки я запил, и меня едва не уволили из армии. Потом все-таки нашел силы, взял себя в руки. И поддерживала меня только одна мысль — дождаться! Дождаться этих тварей! И я дождался.

— Почему ты мне это рассказал? Вернее — почему ты мне рассказал это именно сейчас?

— Один из мальчишек, тех, что на снимках... очень похож на моего Вовку. Так похож, что я чуть в обморок не упал, как какая-нибудь институтка. Ты, наверное, удивился, чего это я так все воспринял, третий-перетертый старый пень? Потому тебе и рассказал. А еще потому, что теперь у меня есть цель в жизни. Ты знаешь — какая.

— Мне «марголин» самому нужен. Так... на всякий случай! — сказал я неуверенно, ожидая требования вернуть пистолет. Но Аносов махнул рукой:

— Найду я себе ствол. И глушитель сделаю, теперь уже по накатанной, — совсем несложно. Нет, так-то сложно, конечно, но сейчас я знаю, как его делать, приемы изготовления отлажены — все будет как надо! А можно и без пистолета обойтись. Это ты снайпер, тебе без ствола никак. А я... я диверсант, разведчик. Я тихо убиваю. Нож, удавка, дубинка — вот мое. Список я помню наизусть — тот, что ты мне дал. Не забуду. Так что, Миша, ты занимайся своим делом,

а я буду своим. Может, спасу какого-нибудь Вовку... и мне зачтется на том свете. Если он есть, конечно, тот свет. А если нет — мне плевать! Главное — я сделаю то, что должен сделать.

Мы помолчали, Аносов встал, взял поднос, аккуратно ссыпал пепел в мусорное ведро. Потом настежь открыл окно и впустил в комнату свежий майский воздух, тут же унесший из тренерской едкую вонь сгоревшей фотобумаги.

— Когда ты уезжаешь? — Аносов взял чайник, подошел к крану, налил воды. — Уже не вернешься?

— Что значит — не вернусь? И куда уезжаю? — улыбнулся я, с облегчением меняя тяжелую тему.

— В Москву, конечно! — покосился на меня Аносов. — Ты же насовсем уезжаешь? Или я что-то не понял?

— Насовсем, — кивнул я, и мне стало грустно. — Не знаю, свидимся ли...

— Свидимся! — уверенно заявил Аносов. — Земля круглая! Адрес оставь — буду в Москве, к тебе забегу. Жаль, конечно, что ты уезжаешь. Но тебе надо делать важное дело! И важнее его нет сейчас ничего. А насчет маньяков — забудь, теперь это не твоя забота. Знаешь, когда ты мне в первый раз рассказал — я тебе поверил, но... все-таки, наверное, не до конца. И только когда ты привез фотографии... Но не будем об этом. Тяжелая тема. Теперь — она моя. Я снимаю с тебя ответственность по этой теме! Забудь про этих тварей. Они мои.

Мы помолчали, а потом Аносов продолжил:

— И вот что тебе скажу, Миша... я не знаю, как у тебя сложится, что с тобой будет, но знай: если понадобится моя помощь — любая! Обращайся. Повторю — ЛЮБАЯ помощь.

* * *

Дорога домой из Ростовской области не заняла много времени. Ночь, день — и я дома. Не скажу, чтобы я был спокоен, пока ехал, — как можно быть спокойным, если у тебя в машине лежит пистолет, из которого ты недавно убил двух человек? И не просто пистолет, а с глушителем! То есть — непрременный атрибут всех киношных киллеров. Если ты киллер — у тебя обязательно должен быть пистолет с глушителем. Иначе нещитово!

Смех смехом, но если бы меня прихватили с «марголиным» на кармане — дешево я бы не отделался. Хотя отпечатков моих нет ни на нем, ни на запасном магазине. Уж об этом-то я позаботился.

Когда приехал, Зина ничего меня не спросила. Только посмотрела в глаза, а я ответил на невысказанный вопрос — кивком. Она тоже кивнула и поцеловала меня. И больше мы о том, куда я ездил и зачем, не говорили.

В газетах, как ни странно, ничего про убийство двух человек в Ростовской области не писали. Впрочем — почему странно? Это в 2018 году все газеты, все СМИ будут неделю смаковать описание какого-нибудь смачного преступления, подкрепляя интерес особо яркими, сочными фотографиями. В 1971 году такого не бывает. Даже о крупных катастрофах передают только из уст в уста — слухи, рассказы знакомых или даже зарубежные «голоса».

Помню, как в Саратове в пятиэтажке на улице Танкистов взорвался бытовой газ. Стену дома вынесло практически полностью, обломки полетели через улицу. Ну и что? Хоть одна газета того времени об

этом писала? Да боже упаси! В СССР нет проституции, нет наркомании и нет катастроф. Советский человек живет в раю! И пусть так дальше и... думает.

Двойное у меня чувство от жизни в этом мире, мире 1971 года. Именно мире, а не времени — я не уверен, что это мой мир. Совсем не уверен! Ведь я уже внес изменения в историю — например тем, что сообщил о скрытых в руководстве КГБ шпионах. Так почему я о них помню? Об этих предателях? Вернее, так: я помню об этих шпионах не потому, что их разоблачили в 1970 году после моего письма, а потому, что в официальной истории, не потерпевшей изменений с моей легкой руки, они жили и здравствовали аж почти что до 1990-х годов. И если бы изменения в истории произошли, я и должен был помнить, что шпионов арестовали в 1970-м. А если их арестовали в 1970-м, как я мог написать письмо об их работе вплоть до 90-х годов?

Стандартный парадокс попаданца в прошлое: ты идешь и убиваешь своего дедушку. (С какого-то хрена! Кто придумал такую дурь?! Да я за дедушку всех порву!) Убиваешь его до того, как он зачнет твоего отца или твою мать. И значит, ты не мог бы родиться! А если не родился, то как попал в прошлое и убил дедушку?

Единственный способ разрешить этот парадокс — взять за основу ту гипотезу, что ты переместился не в прошлое своего мира, а в параллельный мир, в котором время течет медленнее, чем в твоём. То есть в моём мире 2018 год, а в параллельном ещё 1970-й.

Возможно ли это? Возможно. А почему — нет? Ученые давно выдвинули гипотезу, что существует бесконечное число параллельных миров, и значит —

вполне, вероятно, что в них есть миры, время которых течет медленнее или быстрее, чем в исходном мире.

Существует и еще одна теория касательно попаданцев в иное время. Тот же парадокс рассматривается как узловая точка, которая пускает единый мир по разным дорогам. То есть, попав в свой же мир в прошлое и совершив некое изменение (вспомнить «И грянул гром!» Брэдбери), ты создаешь новый мир, который движется по новой траектории развития. И каждый раз, когда путешественник во времени вольно или невольно изменяет реальность, он создает новые и новые миры, существующие параллельно исходному миру и существующие абсолютно автономно! Это не противоречит теории бесконечного множества миров и радикально устраняет временной парадокс.

Но мне все-таки больше нравится первая теория, как более простая и не такая головоломная. Возможно — просто потому, что мысль о том что я невольно являюсь создателем миров, приводит меня... хмм... в трепет? Нет, не в трепет, для этого я слишком практичен и «толстокож» — просто немного не по себе. Кто хочет быть создателем миров? Кто может легко и непринужденно взять на себя эту ответственность?

Нет уж — пусть будет параллельный мир, и я в нем немного порезвлюсь, меняя историю в лучшем, на мой взгляд, направлении. Любой мальчишка, с детства увлекающийся фантастикой, не раз и не два думал: «А вот попасть бы в прошлое, туда, где наши бились с ордами Мамая! И дать нашим пулеметы! И танки! И гранаты с пушками! Вот было бы здорово! И что бы получилось?»

Вот мне Провидение и дало такую возможность — узнать, «что бы получилось?». Только не с мамаевыми ордами, а всего лишь с обычными советскими гражданами. И с их руководителями. И без пулеметов и танков. Всего лишь пятидесятилетний отставник, бывший вояка, спецназовец, а потом омовец — голый и босый, жарким июньским днем заброшенный из 2018 года в 1970 год. Кто забросил, зачем забросил — откуда я знаю? Ну вот кто «забрасывает» человека в его тело и заставляет жить? И кто убирает его из тела, когда придет срок? Никто не знает.

Ну да, есть люди, утверждающие, что они все знают — и про то, какие есть на свете боги, или Бог, и как нужно жить, чтобы им, богам этим, угодить. Но они все врут. Ничего они не знают, кроме того, как быстрее и эффективнее опустошить карманы прихожан. А Что или Кто есть на свете и как Он играет судьбами людей — мы никогда не узнаем. Шахматные фигурки не знают, чья рука двигает их по клеткам жизненного поля. Мы можем лишь жить так, как нам кажется ПРАВИЛЬНЫМ. И каждый это понимает по-своему.

Вот втемяшилась мне в голову идея изменить мир, сделать так, чтобы Советский Союз не распался, чтобы он стал могущественным и сильным — сильнее всех на свете. И я пытаюсь этого добиться. Пытаюсь достучаться до руководства Союза. До тех людей, которые могут все изменить и, самое главное, — хотят это сделать. У меня очень мало времени. До развала страны остается тридцать лет, до окончательного развала. Но он, этот развал, начался именно сейчас, после того как Брежнев окончательно вошел в силу, подмял под себя все Политбюро, убрав оттуда всех, кто мог хоть как-то покуситься на его власть.

Вначале я сделал ставку на Брежнева, решив, что генсек просто не догадывается, к чему приведут его непродуманные деяния. Думал, что, если подсказать Брежневу, доказать, что все мои слова правда, — он начнет реформы и спасет страну. Но я ошибался. Я жестоко ошибался. Брежневу не нужно ничего менять. Он не хочет ничего менять. Он жестко противится любым переменам! Более того, он разрушает те реформы, которые попытался провести Сталин и результаты которых присвоил себе Хрущев.

Обдумав свои действия, придя к выводу об их ошибочности, я выбрал из всего сонма советских руководителей того человека, который мог бы поправить ситуацию, того, кто стал бы эффективным менеджером, способным на радикальные меры, того, кто не побоится ни крови, ни пота и положит свою жизнь на то, чтобы сохранить СССР. С моей точки зрения, это — Шелепин, тот, кто сверг Хрущева, и тот, кого Брежнев, пришедший к власти с его помощью, постепенно совершенно отстранил от власти и практически отправил в изгнание, исключив из членов Политбюро.

Я отправил Шелепину письмо, которым сопроводил те письма, которые я отправлял Брежневу и Андропову и в которых постарался дать максимум информации о будущем страны.

Да, я мог бы спокойно жить, наслаждаясь свалившимся на меня успехом, успехом моих книг в этом мире. В своем времени, своем мире я был писателем средней руки, писавшим неплохие фантастические книги, терявшиеся в потоке всевозможной фантастической литературы. Здесь потеряться трудно — никто из нынешних фантастов не пишет фэнтези. Мне лишь оставалось вспомнить то, что я написал,

и перенести книги на бумагу. Что я и сделал, начав со своего фэнтези-сериала «Нед».

И, честно сказать, сам не ожидал, насколько успешно мои книги начали продаваться. Нет, так-то я знал, что продаваться они будут хорошо — конкурентов-то нет! Даже Толкина в этом времени в СССР еще не издали! Но чтобы получился ТАКОЙ успех — этого не мог предположить даже я. Моими книгами заинтересовалось даже иностранное издательство — «Фаррар, Страус и Жиру». И пятого июня я должен быть в Нью-Йорке. Мне устраивают пресс-конференцию перед началом продаж моей книги, переведенной на английский язык.

Теперь, когда я сделал то, что задумал с самого начала моего пребывания в этом мире, — убил двух маньяков, Сливко и Чикатило, я могу с чистой совестью заняться своими делами. И первое, что надо сделать, — поехать в Москву и отремонтировать квартиру, которую получил после смерти известной поэтессы Капитолины Прокофьевны Залиной-Могилевской. Квартиру в «сталинке» возле станции метро «Динамо». Туда я попозже перевезу мою беременную подругу Зинаиду. Зина с самого начала знала, кто я такой, и поддерживала меня всем, чем могла, — и деньгами, и связями, и просто давала моральную поддержку.

Трудно выжить человеку в чужом мире, без документов и знакомых людей. Очень трудно. И если бы не Зина... не знаю, как я бы жил дальше и смог ли бы пробиться со своими книгами в такое короткое время. В моем успехе ее вклад просто огромен и, можно сказать, неоценим.

А еще — она носит под сердцем моего ребенка.